

Глава 11. Сахарный поцелуй

— Как только раны затянутся, можешь быть свободен.

Чу Сюнь произнес это буднично, не отрываясь от дела. Он стоял у кухонного острова и невозмутимо нарезал тосты. Подцепив ножом из банки порцию густого яблочного джема, он одним точным движением распределил его по горячему ломтику хлеба, от которого всё еще шел пар.

Ло Хуай не сразу нашелся с ответом. Он тихо сидел на диване, погруженный в свои мысли, и лишь когда Чу Сюнь бросил ему готовый тост, машинально вскинул руки, чтобы поймать его.

Слишком широкий рукав чужой рубашки сполз, обнажая запястье, всё еще обмотанное бинтами.

Юноша принялся медленно жевать. Прошло немало времени, прежде чем слова Чу Сюня окончательно уложились в его сознании. Ло Хуай едва заметно кивнул, давая понять, что услышал. Он и сам понимал: пора двигаться дальше. Месть не ждет. И всё же в глубине души шевелилось щемящее чувство — ему совсем не хотелось уходить.

Ло Хуай отчаянно пытался убедить самого себя.

«Я должен поставить мечь превыше всего. Эта мимолетная слабость не заставит меня свернуть с пути...»

«Да. Не заставит»

Чу Сюнь доел свой завтрак и неспешно вымыл руки под краном.

— Иди на кровать, — бросил он, не оборачиваясь. — Я помогу тебе снять бинты.

Чтобы добрать необходимые баллы для сюжета в категории «Спасение», Носитель был обязан лично заниматься лечением подопечного. По крайней мере, для вида стоило проявить заботу.

Однако реакция Ло Хуая оказалась неожиданно бурной. Он вскинул голову и выпалил:

— Я сам справлюсь! Всё уже зажило, правда!

Чу Сюнь медленно поднял на него взгляд. В уголках его губ промелькнула едва уловимая усмешка.

— А если я просто хочу помочь? — лениво протянул он. — Разве нельзя?

Ло Хуай сглотнул. Он в несколько укусов расправился с остатками тоста и после недолгих колебаний молча перебрался на кровать.

Юноша сидел, плотно сжав губы и делая вид, что увлечен изучением собственных ладоней, хотя на деле его сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он даже не заметил, как Чу Сюнь оказался совсем рядом.

Только когда влажные, сохранившие холодную свежесть пальцы коснулись его подбородка, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки, Ло Хуай вздрогнул и отпрянул, словно напуганный кролик. Это было слишком близко.

Чу Сюнь замер, с интересом наблюдая за его смятением.

— Я не то чтобы против... — Ло Хуай лихорадочно подбирал слова. — Просто... это... я хочу сказать...

— Расслабься, — Чу Сюнь не сдержал смешка. — Твое нынешнее тело не вызывает у меня ни малейшего интереса.

Он полагал, что это замечание успокоит трепетную душу юноши, но эффект оказался прямо противоположным.

Ло Хуай, до этого упирившийся руками в матрас, мгновенно выпрямился и на коленях подался вперед, почти вплотную к собеседнику. Он осторожно поднял взгляд, его длинные ресницы мелко дрогнули. В чистом голосе прорезалась хрипотца.

— Совсем ни капли? — с надеждой и затаенной болью прошептал он.

Чу Сюнь промолчал.

Ло Хуай разочарованно опустил глаза. Он начал медленно стягивать с плеч безразмерную рубашку, обнажая торс, всё еще перехваченный бинтами.

— И что же мне сделать... — пробормотал он себе под нос, — чтобы этот интерес хоть немного появился?

Не успел он закончить фразу, как Чу Сюнь властно перехватил его за запястье.

Ло Хуай не успел и глазом моргнуть, как его опрокинули на мягкие простыни. Прежде чем он

успел прийти в себя, Чу Сюнь уже прижал его руку к матрасу над головой, удерживая одной ладонью.

Линии худощавого тела юноши, безупречные пропорции — всё это теперь было открыто взору. Оказавшись в полной власти другого человека, Ло Хуай ощутил безотчетную тревогу.

Чу Сюнь смотрел на него сверху вниз — холодно, отстраненно. В глубине его темно-синих глаз бушевали чувства, которые было невозможно распознать. Его взгляд медленно, почти осязаемо скользнул по коже подопечного.

В этот миг Ло Хуая пробила крупная дрожь.

Это не было влечением. Это была инстинктивная реакция тела на присутствие опасного хищника, выбравшего жертву.

Движения Чу Сюня, как и всегда, были безупречно точными. Его пальцы скользнули вниз, распутывая плотные слои бинтов. Подушечки пальцев то и дело задевали молодую кожу, вызывая мучительный зуд в тех местах, где раны уже начали затягиваться. Особенно там, на предплечье, где всё еще белел едва заметный шрам, складывающийся в имя Чу Сюня.

Ло Хуай глухо застонал и, извернувшись, зарылся лицом в мягкое одеяло. Кожа там, где касались пальцы, пылала огнем.

Видя это, Чу Сюнь негромко рассмеялся. Он бесцеремонно схватил Ло Хуая за плечо и вытянул его из кокона одеяла.

— Мумии меня не привлекают... — негромко произнес он, склонившись к самому уху юноши. — А что до твоего вопроса... что ж, можешь попробовать убедить меня. Постарайся как следует.

Договорив, Чу Сюнь выпрямился и, собрав снятые бинты, небрежно бросил их в корзину.

Его взгляд был затуманен ленивым безразличием. Тонкие черты лица казались почти надменными, но в том, как белые ленты ткани скользили между его бледных пальцев, сквозило нечто пугающе притягательное.

Ло Хуай смотрел на него, не в силах отвести глаз, пока сердце в груди не зашлось в бешеном ритме. Только тогда он опомнился. Юноша поспешно оделся в свои вещи, которые уже были выстираны, и приготовился к прощанию.

К его удивлению, Чу Сюнь, не спеша потягивавший кофе, одарил его странным взглядом.

— Не торопись прощаться. Сегодня я составлю тебе компанию.

Ло Хуай замер, не веря своим ушам. Чу Сюнь отхлебнул латте и насмешливо прищурился:

— Идем на свидание. Или ты против?

Ло Хуай лишился дара речи.

Чу Сюнь сидел на ограждении боксерского ринга и неспешно разворачивал ногскую молочную ириску. Он почти безэмоционально коснулся языком холодной сладости и начал негромкий отсчет:

— Пять, четыре, три...

Напротив него, на самом настиле, разворачивалась жестокая сцена. Крупный темнокожий боец мертвой хваткой вцепился в Ло Хуая, зажав его в тиски партера. Противник был вдвое больше юноши; он вывернул его ногу под неестественным углом, наваливаясь всем весом. Пальцы гиганта сдавили горло Ло Хуая — если тот не вырвется сейчас, то просто задохнется.

А Чу Сюнь продолжал бесстрастно отсчитывать секунды.

Ло Хуай стиснул зубы. В его темных глазах вспыхнула ярость, свойственная молодому льву перед броском. Он не мог проиграть на глазах у Чу Сюня. Только не в этом подпольном бою.

Приняв мгновенное решение, юноша изогнулся всем телом под невыносимым углом. Он намеренно пошел на риск, стремясь вывихнуть собственное плечо, чтобы выскользнуть из захвата.

Голос Чу Сюня смолк.

Маневр удался. Пользуясь своей природной гибкостью, Ло Хуай, точно юркая рыба, проскользнул сквозь тиски врага. Он пружинисто вскочил на ноги и, не давая противнику опомниться, нанес молниеносный, сокрушительный удар в челюсть. Секундой позже он уже висел на плечах гиганта, сдавливая его горло в ответном захвате.

Но он всё еще был слишком наивен. Услышав хриплые, прерывистые звуки, вырывающиеся из груди противника, Ло Хуай заколебался. У него не было причин убивать этого человека, и он на мгновение ослабил хватку.

И в этот миг враг ослабился в предвкушении крови. Мощные руки перехватили незащищенную галию юноши и с силой впечатали его в настил. Мужчина рванулся вперед — он явно намеревался просто свернуть шею своей жертве.

Раздался сухой хруст — Чу Сюнь разгрыз ириску.

В ту же секунду, в коротком промежутке между ударами сердца, он спрыгнул с ограждения и оказался в самом центре ринга. Чу Сюнь нанес резкий удар коленом. Всего одного движения хватило, чтобы отшвырнуть громилу к самым канатам — удар был такой силы, что упругое ограждение едва не лопнуло.

Система 059 с тоской взирала на тающие шансы завершить миссию. Она понимала: Чу Сюня не переубедить.

[Похоже, он и впрямь мечтает вернуться в Пустоту на правах узника...]

Системе оставалось лишь в отчаянии выводить перед глазами хозяина предупреждающие надписи. Чу Сюнь, впрочем, полностью их проигнорировал. Он слегка склонил голову набок и бросил человеку, сползающему по канатам:

— Ты заигрался. Если так не терпится сдохнуть — дерись со мной.

Мужчина, перед глазами которого всё еще плыли круги, сплюнул капю и, пошатываясь, покинул ринг.

Ло Хуай лежал на настиле, жадно хватая ртом воздух. Мокрые от пота волосы прилипли к лицу. Из-за бешеного притока крови на его предплечьях и шее отчетливо проступили вены. Он выглядел изможденным, но в этом облике была своя, первобытная красота.

Чу Сюнь подошел ближе и посмотрел на него сверху вниз.

— Продержался двадцать минут и проиграл. Это никуда не годится, Ло.

Ло Хуай вскинул голову. Его глаза лихорадочно блестели.

— Я ведь зажал его болевую точку! — прохрипел он, стискивая зубы. — Это должна была быть моя победа...

— Но ты проявил милосердие, не так ли?

Чу Сюнь опустился на одно колено и мертвой хваткой вцепился в затылок юноши. Прежде чем Ло Хуай успел осознать происходящее, пальцы Чу Сюня сжались на его горле. Это было похоже на захлопнувшуюся ловушку или упавшую плаху. Юноша беспомощно закинул голову, инстинктивно пытаясь вырваться из смертельной хватки.

Но даже в этот миг в его взгляде не было страха. Только безграничное доверие, смешанное с непониманием. Чу Сюнь на мгновение прикрыл глаза, не выдержав этого взгляда. Спустя секунду он разжал руку и сухо произнес:

— Запомни эту силу и это время. Настоящий враг убьет тебя, не раздумывая. Понял? Не смей быть мягким с другими. Ни капли сострадания.

Ло Хуай жадно глотал воздух. Он с трудом кивнул, подтверждая, что усвоил урок.

Чу Сюнь вздохнул и резким движением вправил ему вывихнутое плечо. Вспышка боли прошла тело юноши. Шея его уже начала наливаться багровым синяком. Ло Хуай посмотрел на наставника и тихо зашипел, в его глазах промелькнула почти детская обида.

Чу Сюнь негромко цыкнул.

— Точно щенок... — пробормотал он.

Ло Хуай не расслышал. Он подался вперед, почти касаясь губами уха Чу Сюня.

— Что ты сказал? — хрипло переспросил он.

Вместо ответа Чу Сюнь притянул его к себе и принялся мерно растирать ладонью ушиб на его шее. Движения были мягкими, Ло Хуай чувствовал только тепло чужой кожи.

Юноша осторожно ухватился пальцами за край его одежды.

— Спасибо, что учишь меня, — прошептал он. — Я запомню.

Рука Чу Сюня на мгновение замерла. Он опустил взгляд и, убрав влажную прядь со лба юноши, медленно проговорил:

— Если пришел в себя — продолжаем. У тебя слишком мало времени.

Ло Хуаю вдруг показалось, что сейчас он может позволить себе маленькую вольность. Он неловко обхватил Чу Сюня за талию и уткнулся лицом в его грудь.

— Еще минуточку... — соврал он. — Кажется, сахар в крови упал.

Конечно, дело было не в сахаре. Ему просто хотелось еще немного побыть в этих руках.

Чу Сюнь всё еще чувствовал во рту приторную сладость нерастаявшей ногской ириски. Он без тени смущения отстранил Ло Хуая от себя и приподнял бровь:

— Сахар упал? Что ж, тогда съешь что-нибудь сладкое.

Ло Хуай не успел сообразить, что происходит, — он всё еще подбирал предлог, чтобы снова обнять Чу Сюня. Но на этот раз тот не дал ему времени на раздумья. Он наклонился и накрыл его губы своими.

Ло Хуай замер. Сладкий вкус конфеты передался ему вместе с дыханием Чу Сюня. Сознание юноши поплыло, уступая место инстинктам. Он судорожно ответил на поцелуй, сплетаясь в жадном, неритмичном танце.

Чу Сюнь целовал его удивительно естественно. Его серебристо-серые глаза были полуприкрыты, словно происходящее было для него чем-то обыденным. Но жар их губ был настоящим. Сердца бились в унисон, лишая воли. Ло Хуай, обессиленный, закинул голову, его руки сами собой обвили вокруг шеи партнера. Ему хотелось, чтобы этот влажный поцелуй длился вечно.

И Чу Сюнь впервые позволил ему это.

Лишь когда дыхание окончательно сбилось, Ло Хуай нашел в себе силы отстраниться на жалкий миллиметр. Избыток сахара вместе с этим поцелуем хлынул в его кровь, разносясь по всему телу с каждым ударом сердца.

Ло Хуай хотел что-то сказать, но Чу Сюнь прижал палец к его губам. Его голос звучал как нежный шепот любовника и одновременно — как самое суровое предостережение.

— Ло Хуай, — произнес он. — Поцелуй и смерть, что я дарю тебе... Ты должен помнить их вечно.

<http://bllate.org/book/15843/1428830>